

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Сегодня наша рубрика продолжает тему семейных традиций, духовных связей близких людей, что в наше время, увы, встретишь не часто. Думается, предлагаемые вниманию читателя отрывки из произведений Нонны и Владимира Приходько понравятся и взрослым, и детям.

Владимир ПРИХОДЬКО, поэт (чаще пишет для малышей) и литературовед (очерки о Державине, Баратынском, Некрасове, Случевском, Бунине, Набокове, Саше Черном), принес в редакцию воспоминания своей матери - Нонны Николаевны Приходько.

«Моей матери уже 85 лет, - сказал он. - В молодости она была актрисой, чтицей. В составе бригады Свердловской филармонии дважды выезжала на фронт. Последние годы мама писала воспоминания. Вот как она рассказывала о своей матери, моей бабушке, учительнице русского языка.»

Нонна ПРИХОДЬКО

Грунечка

(Из «Воспоминаний, обращенных к сыну»)

Агриппина Яковлевна Приходько с дочерью Нонной

НАЧНУ с драматического эпизода. Он мог бы, в силу случайных обстоятельств, закончиться трагедией. Вернее, просто я бы не родилась; не было бы тебя, и вспоминать было бы нечего. Я узнала об этом за год до маминной смерти. Она мне сама рассказывала. Больше не знает никто.

С моим папой Грунечка познакомились, когда ей шел двадцать второй год. Мама в молодости была очень красивой и пользовалась большим успехом. Жила в строгой и дружной семье. Двум дочерям дали образование. Грунечка окончила гимназию... Чистая, нетронутая девушка...

Любовь между моими родителями возникла буквально с первого взгляда. Отец, Николай Максимович Приходько, сделал маме предложение. Попросил ее руки. Получил согласие. Была уже назначена свадьба.

Однажды дома, когда они были вдвоем, совершенно неожиданно, после поцелуев, возникла близость. Они были возбуждены, взволнованы. И длилось это короткий миг, настольно короткий, что не было уверенности, что он вообще был.

Через две недели Грунечка радостно-встревоженно сказала моему отцу, что у них будет ребенок. И услышала в ответ: - О свадьбе не может быть речи. Я не могу жениться на женщине, у которой не первый.

И было несколько ужасных разговоров. Мама клялась. Ее уверения ни в чем не убеждали. Плакали и она, и он. Но изменить Грунечка ничего не могла.

Я, старуха сейчас, представляю, что должна была пережить Грунечку. Рассказать родителям? Это значило бы убить их обоих. Был один выход. В воскресенье утром, после бессонной ночи, Грунечка сказала матери, что у нее болит голова. Она хочет подышать свежим воздухом.

Мысленно попрощавшись со всеми, вышла из дому. После долгих, бессмысленных, казалось, блужданий дорога привела ее к Днепру. В одиннадцать часов от пристани должен был отойти прогулочный пароход. Грунечка купила билет и прошла по сходням последней.

Между тем мой отец, абсолютно ничего не зная, молча сидел на берегу, глядя на пароход, который уходил. Он не знал, что Грунечка ушла.

на пристань. Соскочив с трамвая, он услышал разговор сидящих в вагон пассажиров: какая-то девушка бросилась с парохода в воду. И сразу же с отчаянием понял: это Агриппина.

Жива ли она, никто не знал. Плавать мама не умела.

- Как же ты осталась жива, моя родная? - спросила я.

- Видишь ли, на мне были две длинные, как тогда носили, юбки. Нижняя и верхняя, широкая, плотная. Если бы я прыгнула в воду с носа, то значительно быстрее пошла бы ко дну. А может, и под паромом бы попала. А я бросилась с кормы. И волны, от быстрого движения винта, были большие. Они подбрасывали меня. И юбки мешали сразу погрузиться в холодную воду. Меня вытаскивали. Коля нашел меня уже в больнице. По его глазам я сразу все поняла. В них было и раскаяние, и ужас, и любовь. Дома мы все сумели скрыть и скрывали всю жизнь.

Сыграли свадьбу. И 14 мая 1909 года, в 2 часа дня, на свет появилась я. Меня назвали редким именем Нонна, наверно, в честь 9-го года: попу по латыни - девятый (это подсказал мне ты). А через три года, в 1912-м, родился мой брат Григорий (Юра).

Жили мы до четырнадцатого года очень бедно. Папа получал 28 рублей в месяц, работал телеграфистом. Потом он поступил в оперу третьим скрипачом (и до этого у нас в доме устраивались концерты: трио и квартет). У него был абсолютный слух. Своей безумной ревностью он угнетал маму. Она редко выходила из дома. Однажды на гастроли приехал Мариинский театр из Петербурга. Мама упростила отца взять ее на спектакль. В конце концов пошла. В антракте все оглядывались и любовались мамой. Он очень нервничал. И после второго действия не выдержал, сказал: «Домой!» и ушел.

Часто после рождения брата я просыпалась с криком и слезами: «У Юрочки провалились глазки и отклеился парик», - отождествляя его со своими куклами. И маме приходилось показывать мне живого и невредимого братика.

Неподалеку от села Страхолесье у нас жили родственники: лесник Гордей с женой Палашкой. Мы уезжали к ним на лето. Был один страшный случай. Юрочке был год, мне четыре. Мама с нами пошла к лесничему: мы вместе ужинали. И когда мама спохвати-

лась, было уже темно. Мы храбро отправились домой. Не знаю, как далеко мы успели уйти, но я первая заметила какие-то двойные огоньки в лесу.

- Мама, мама, посмотри, это светлячки, да?

Это были волки. Их было несколько. Они окружали нас.

Мама в обморок не упала. Схватив меня за руку и прижимая другой рукой Юрочку, она побежала из всех своих слабых сил. А навстречу нам, высланный чуткой, встревоженной Палашкой, бежал Гордей с ружьем. И выстрелами отогнал волков.

И, помню, все долго шутили. И мама смеялась тоже.

Чувство юмора должно быть у каждого. Почему я это здесь повторяю? Ты помнишь бабушку уже больной и старенькой. Помнишь в трудное во всех отношениях время. А мама была прелестным человеком. Умница, очень общительная. Добрая, веселая, остроумная. С бесспорным вкусом. Я не знала людей, которые бы ее не любили, оставались к ней равнодушны. Вся папина семья: мать, отец, братья, сестры прислушивались к каждому ее мнению, называли ее «наша дорогая Грунечка». А каким мужественным человеком она была. А каким нравственным и одновременно широким.

Война четырнадцатого года не затронула нашу маленькую семью: у папы был порок сердца, и в армию его не взяли... Хорошо помню один день: Февральскую революцию. Я и Юра пошли с папой на демонстрацию. Я шла рядом с папой. Волосы мои, тогда золотистые, были связаны большим красным бантом. Такой же бант был у отца на груди. Юра сидел у него на плечах. Было много веселого народа. Играла музыка. Я поднималась на цыпочки, чтобы увидеть оркестр, ничего в этой орущей толпе не видела и завидовала Юре, который - выше папиного роста - был в выгодном положении. Кроме того, в моей памяти жила иллюминация в празднование трехсотлетия Дома Романовых. А тут иллюминации не было; и Февральская революция мне не понравилась.

- Ничего хорошего в этой революции нет, - сказала я, возвратившись, маме. - Даже лампочки в небе не зажглись.

Вскоре папа заболел. А в октябре, проболев несколько месяцев, умер. Этому предшествовал такой эпизод. У папы были карманные часы. Очень хорошие, мозеровские.

Нонна Приходько. 1938

Каждое утро, когда он заболел, мама заводила их и вешала на ковровый гвоздик у его кровати. Он как-то раз сказал с улыбкой:

- Осторожно, Грунечка, не оброни их. Если они останутся, я умру.

- Ну что ты, Коля. Какая неудачная шутка...

Прошло три-четыре недели. Как-то раз, когда мама завела часы и вешала их на гвоздик, они вырвались из ее руки, упали на кровать и рикошетом вылетели на середину комнаты. Я хотела поднять, но мама схватила их раньше меня. Поднесла к уху. Часы стояли.

- Значит, я сегодня умру, - сказал папа.

Мама расплакалась. Он стал ее утешать.

- Родная, что за глупости. Пустое суеверие. Не плачь. Вытри сейчас же слезы.

После завтрака он задремал. К нам пришла Маруся. Сидела с мамой в столовой и разговаривала. Вдруг мама встревожилась:

- Что-то он долго спит, пойду посмотрю.

Зашла в спальню. Быстро вышла оттуда и шепотом криком:

- Коли уже нет.

В день похорон нас повели

прощаться с отцом. Мама убрала гроб цветами. И вдруг Маруся закричала:

- Грунечка, он жив, он пошевелился.

Ей показало.

После смерти отца многое изменилось в нашем доме. Мама, слабенькая мама, после девятилетнего перерыва не могла и думать о работе в школе. Сбережений не было. И мама стала зарабатывать на жизнь как приходящая на дом швея. У тебя есть стихотворение, я помню его и приведу здесь:

Вяжет бабушка, бабушка
вяжет.
Пока свяжет, мне сказку
расскажет.
Вот, орудя длинною спицей,
Говорит — и про чары
Жар-птицы,
И про лес, где живет под
листочком
Человечек с наперстком
росточком,
И про Змея, и про великана,
И про остров среди океана,
Где веселый Иванушка
княжит...
Засыпаю... А бабушка
вяжет...

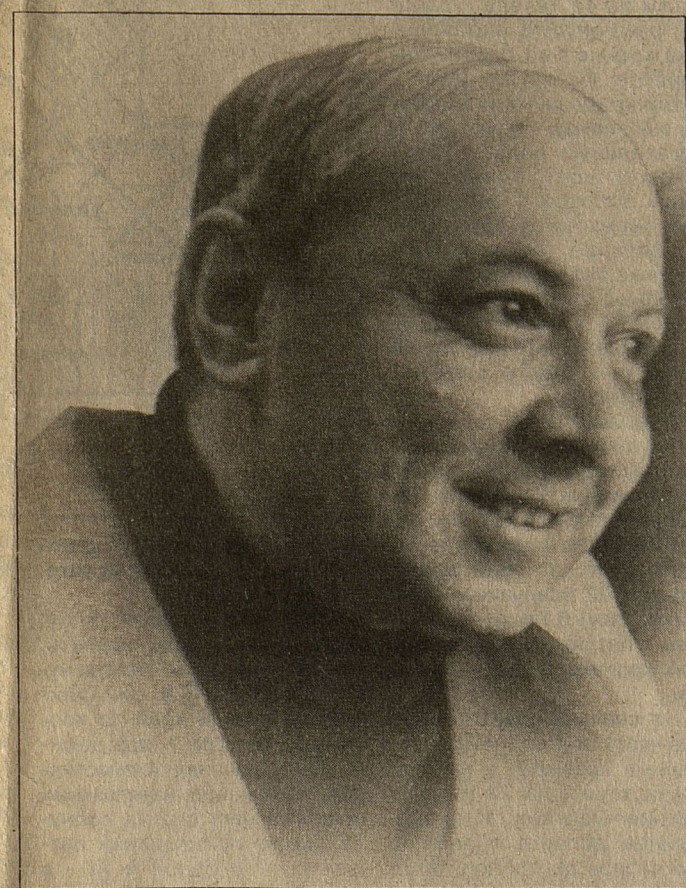
Мама вязала в свои поздние годы, уже при тебе. А тогда шла детские штанишки и платица у знакомых. Но знакомые жили все бедней и бедней, и скоро этот источник иссяк. И тогда Грунечка стала шить крестьянские фартуки, украшая их вышивкой, аппликацией. Но иногда в доме не было и хлеба. Однажды, во время гражданской войны, мама пожарила котлеты. Много позже она проговорила, что они были из конины. Все равно вкусные! Чайная колбаса, которую в школе я видела на бутербродах у других девочек, казалась мне самым большим деликатесом. Роскошью.

Мама заболела примерно за год до второй ужасной войны. Ты помнишь. Это был туберкулез. Мы жили во Львове, и с климатом у нее были нелады. Освальд Шор, врач-пульмонолог, еле-еле вырвал ее у смерти. А потом эвакуация, Зауралье, Курган. Юра, как и твой отец, погиб на фронте. Пережить эту войну Грунечке помогла забота обо мне, о тебе. Вот ее письмо Марусе, написанное в марте 1942 года: «А у нас, Марусечка, все нехорошо: Володя болен скарлатиной. Худенький он такой, что на голенького смотреть больно: одни косточки. А неугомонный, а живой, как ртуть! Держим мы его в постели, но за целый день он головы на подушку не положит... Ему теперь нравится болтливый стиль: в таком роде

Владимир ПРИХОДЬКО

Вот когда я взрослым стану

Из блокнота детского поэта

Владимир Приходько. 1994

НАПИСАЛ я стишок. Про маленькую хитруню, которую выводят гулять. И стишок маленький. Четыре строчки:

На прогулку одевают Светку.
Мячик, зонтик, коврик на траву...
- Мамочка, возьми с собой конфетку,
Вдруг я на прогулке зареву!

Знакомая художница хмыкнула: «Ты это подслушал». Правда, подслушал. У детского поэта два основных творческих источника: память о той поре, когда сам был ребенком (то, про что Бунин сказал: «Сердцем помню только детство: все другое - не мое»), и детство нынешней ребятни. Игра, быт. Постигание мира. Характеры. Нравы. А ты глядяваешься и вслушиваешься. И много чего услышишь!

Хвастунишка на выходе из метро «Юго-Западная»: «Мы живем на улице 26 бакинских коммерсантов!» На футболе, впервые, - второй тайм: «Окачивается, команды меняются местами». А я думал, ворота переносят. Никогда не сочинишь.

Мать - с негодованием: «Какие-то жеребцы изломали детские качели». Сынок, мечтательно: «Скоро и я буду жеребцом. А потом и конем, как папа». Наблюдательный малыш: «Надо же, у нас каждый день уходит три-четыре яйца. Два съедаю я, остальные уходят по хозяйству». Девочка: «На лужах нельзя сидеть, потому что там земля и попка простудится». «Солнышко высушивает лужу. Получилось всмятку». «Мама, открой дверь, пусть воздух от курицы сюда идет». «А книжки любят, когда их не бросают на пол?» «Посмотри, воробей влез в кормушку прямо с ногами!»

Взрослый попытается у ребенка: «Ты каких птиц знаешь?» - «Которые в телевизоре». - «А в лесу?» - «В лесу нет телевизора». Попытывание зарифмовалось так:

- Ты рисуешь мосты,
поезда...
А когда-нибудь видел
дрозда?
- В телевизоре - да...
- Ты смешишь!
А когда по тропинке лесной
Шли вы с мамой и с папой
втроем?
- Телевизор мы в лес не
берем...

Кажется, не смешно, а грустно. Впрочем, судить, как получилось, не мое дело. Но бесспорно, что стихи датированы нашими годами. Реже, чем прежде, в роще услышишь малиновку, и компьютерные игры частозолотом заслоняют впечатления дальних прогулок. Мое стихотворение «У телевизора» (цикл «О вещах домашних») кончается нерифмованной строкой - детским вопросом: «Папа, а уточки знают, что их показывают по телевизору?» Недавно выяснилось, что это вовсе не уточки, а заоканские окорочка, продукт новейшей цивилизации.

Выступал однажды в лагере. Читал свои стихи и сказки. Довольно долго. Минут пятьдесят. Не глядя на них, в книжку, ни в бумажку. Потом окружили дети, галдели и верещали. Один белобрысый

умник как-то странно взял меня за руку. Я спросил: «Почему ты меня трогаешь?» Он сказал: «Хотел узнать, живой ли вы. А то, может, думаю, робота прислали». Это дитя технической эры, не слишком опередившее события.

Мальши обычно не знают, что у писателя спросить, чем поинтересоваться. Но некоторые вопросы хорошие. «Правда ли, что у кошки есть аппарат для мурлыканья?» Отсюда родилась моя «Книжка-малышка про кошку-мурлышку», стихи в ответ:

... Видеть кошку на окошке
Я всегда, ребята, рад.
Для мурлыканья у кошки
Есть особый аппарат!
Он работает прекрасно -
Это всем на свете ясно, -
Но - к несчастью детворы -
Разбирать его ОПАСНО:
Когти кошкины острые.
Выдвигаются мгновенно -
Только ноги уноси!..
А на морде, как антенны,
Установлены усы...

Это написано отчасти, чтобы юные техники не пытались развинчивать кошку с целью обнаружения аппарата для мурлыканья. Однако знаю: обязательно кончится этим. Век шествует своим путем болезненным. И мои внуки сделают шаг вперед, к разгадке жизни. А я, хоть уважаю консервативных романтиков, перед новейшей цивилизацией в позу оппозиционера не становлюсь. И от окорочка не отказываюсь. Потому что кушать хочется. И сегодня, как вчера. Есть у меня подслушанный текст ребенка, которого мать, затаившая гдето несъятые слюнки младенчества, немного перекармливает:

Да как же это все уплести?
Кончается аппетит!
- Не будешь есть, не будешь
расти, -
Мне вечно мама твердит. -
Ну ладно, съем и суп, и компот,
И кашу - в один присест.
А папа у нас уже не растет,
Но он
еще
ест.

Матери (это такой характер: в мамкиной роли может выступать любая тетя и даже дядя) также перекупувают детей. Трут нещадно мочалкой. «Мамочка, довольно, дырочку протрешь!» Вот ребенок и мечтает поскорей вырасти и мыслит самостоятельно. И так себе это представляет:

Вот когда я взрослым стану
И купаться захочу,
Влезу сам в большую ванну,
Оба крана откручу.
Сам потру живот и спинку,
И висушки на носу.
Заверну себя в простынку
И в кроватку отнесу!

Поставив этот восклицательный-ликующий, я стал думать: на ком шутку проверить. Ближе всех сосед Миша. В школу еще не ходит. Детский сад, старшая группа. Я к Мише. Миша, немного заикаясь: «К-как же можно с-самого с-себя отнести в к-кроватку? Ведь снова запачкаешься!» Пришлось напечатать стихи с Мишиным примечанием. Соавтор!